

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
3-46

Jodie Lynn Zdrok
SPECTACLE

This edition is published by arrangement
with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Дарьи Алюковой*

Здрок, Джоди Линн.
3-46 Спектакль: [роман] / Джоди Линн Здрок; пер. с англ.
Д. Алюковой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 416 с. —
(#YoungDetective).

ISBN 978-5-17-114129-5

1887 год, весь Париж охвачен страхом из-за серийного убийцы, называющего себя Темным художником. Трупы жертв, выставленные в публичном морге, собирают толпы любопытных. Среди них — шестнадцатилетняя журналистка Натали Будин, пишущая ежедневные репортажи из морга для местной газеты. У Натали есть тайна: осматривая экспонаты, она видит гораздо больше, чем обычные люди. Благодаря своему дару Натали может разоблачить убийцу. И сделать это нужно раньше, чем он разоблачит ее.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Jodie Lynn Zdrok, 2019
© Д. Алюкова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-114129-5 В оформлении использованы материалы,
предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

Париж, 29 июня 1887 г.

Глава 1

Натали считала, что если нужно написать о смерти, то требуется два слова, не более.

«Она умерла».

Или «он умер».

Что еще скажешь? Этого довольно. Зачем приукрашивать смерть? Вот закончилась история чьей-то жизни, и мысли человека, все его мольбы и чувства сошлись в одну финальную точку. Все мы знаем, что это значит или должно значить, если задуматься.

Прошедшие две недели показали ей, что большинство людей вообще об этом не думает. Не так. «Она умерла» — это не конец истории. Иногда это только начало.

Такие мысли проносились в голове Натали, пока она осматривала ряд соломенных шляпок, курительных трубок и тростей, тянувшийся за ней. Было маловероятно, что кто-то из этих людей закончит свои дни здесь. Сюда их привела смерть, дразня любопытство, чтобы показать, что с ними станет. Но не сейчас. Сегодня чья-то еще очередь умереть.

Ворона уселась на табличку с надписью «Свобода, равенство, братство», установленную на основе из каменных колонн. Эти слова были будто выжжены на веках Натали, оставаясь с ней, даже когда она отворачивалась и моргала.

Еще восемь человек — и потом она сможет войти внутрь.

Джеди Минн Зврок

Она предполагала, что ждать придется дольше обычного, учитывая стремительное распространение новостей этим утром, но не думала, что *настолько*. Даже наблюдение за людьми, ее вечное развлечение, уже надоело. Мать рассказывала своему ребенку сказку о Красавице и Чудовище (малышка радостно завизжала, когда Чудовище снова стало человеком), пожилой господин сипло кашлял (она подумала, что он наверняка следующим и умрет). Американская пара обсуждала какую-то «Флориду» — этого слова она на уроках английского не слышала. Тучный мужчина в белых перчатках (в такую-то жару!), женщина, которая все вертела свой зонтик, что-то напевая под нос. Британский пьянчуга в потрепанном цилиндре, который забрел сюда, попеременно ругая цены на абсент и королеву Викторию; его прогнал смотритель. Ну, есть предел любопытству, которое можно проявить к людям в очереди по прошествии целого часа. Даже бродяги потеряли интерес.

Солнце, которое не показывалось уже несколько дней, выглянуло как раз к приходу Натали. Жара нарастала, люди в очереди начали потеть, и вскоре вонь Парижа достигла ее ноздрей.

Она вчера воспользовалась мочалкой, а окружающие, судя по доносившейся смеси духов и воню, пренебрегали ею который день. Правда, она только выздоравливала от простуды и ее обоняние и вкус еще были притуплены. Но и заложенным носом она чувствовала резкие нотки этого отчетливого запаха.

Натали вытянула из сумки блокнот и набросала пару заметок о солнце, поте и вороне. Месье Патинод сказал ей обращать внимание на детали независимо от того, важными они ей кажутся или нет, потому что второстепенные ремарки в статье иногда «как кофе для усталой истории».

Кто-то коснулся ее руки. «Цветы, мадемуазель?» Это была старушка, сновавшая по тротуару с букетами на продажу, одна из многих торговцев, которые стремились прельстить своими товарами вечно стоящую здесь толпу. Наверное, она родилась еще при Наполеоне, подумала Натали. Ее кожа состарилась от времени и воспоминаний, а глаза выдавали отчаяние или скуку. А может, и то и другое сразу.

Женщина подняла желтые цветочки, чтобы Натали могла их рассмотреть.

Яркие. Полные жизни. Воплощение лета.

«Моей матери понравился бы этот букет», — подумала Натали. Папа всегда приносил маме цветы в день своего возвращения. К сожалению, до этого еще много месяцев: он был в море с апреля и вернется только в сентябре. Матери яркое пятно сейчас будет очень кстати. Ее выздоровление было унылым и болезненным — каким угодно, только не солнечно-желтым.

Натали засунула блокнот и карандаш обратно в сумку. Она пошарила в карманах платья, пока не нашла пару сантимов. На монетах также была надпись «Свобода, равенство, братство», девиз Французской Республики, которым государство неистово помечало все, что только могло.

— Этого хватит?

Старушка взяла несколько монет из ладони Натали, не все.

— Столько, — сказала она хрипло. — Держи.

Она передала Натали цветы и ускользнула. Натали сосчитала оставшиеся монеты перед тем, как вернуть их в карман. Хорошо. У нее еще хватит на кафе.

— Красивые цветочки, — произнес детский голос позади нее.

Джеди Минн Зврок

Натали обернулась. Она не понимала, зачем сюда приводят детей, хотя видела их здесь постоянно. Кареглазая девочка, трехлетняя копия своей миниатюрной матери, ухмылялась из-под шляпы с красной лентой.

— В таком случае, — сказала Натали, вытягивая цветок из букета, — один — тебе.

Девчушка засияла, взяв его у Натали.

— Гляди! — Она поднесла цветок к матери, на фоне голубого платья которой он казался еще ярче. — Это мне!

Натали улыбнулась и снова повернулась вперед. Всего четыре человека отделяют ее от входа. Девочка говорила с цветком как с новым другом. Ее голос сливался с фоновым шумом по мере нарастания нетерпения Натали.

Родители не разрешали ей сюда ходить до пятнадцати лет, и она почти всегда повиновалась, кроме одного раза, когда ей было тринадцать. Человек повесился и был обнаружен только через неделю; газеты пестрели такими дразнящими подробностями, что они вместе с Симоной, авантюрной союзницей на год старше и с менее строгими родителями, в один день не смогли устоять и отправились сюда после школы. Лицо человека, или то, что было его лицом, напоминало подтаявший воск. Симона доложила, что на целый день потеряла аппетит, а Натали неделю снилось, что его тело лежит у нее в кровати.

И все же, как и многих людей, это переживание манило ее с такой же силой, как и отталкивало.

Старик впереди нее сплюнул кровью перед тем, как зайти внутрь. Обходя пенящийся плевок, Натали последовала за ним.

— Минуту. — Смотритель поднял руку.

Она посмотрела через его плечо. Обзор закрывало деревянное ограждение. Через минуту (а показалось, будто через двадцать) смотритель жестом показал Натали войти в городской морг.

Сектакль

На виду была дюжина тел, но только одно приковывало внимание толпы. Так обычно и бывает с жертвами убийства. Морг был — по крайней мере, формально — способом идентифицировать найденные в общественных местах тела. Парижане шли сюда потому, что это — зрелище, как великий собор Парижской Богоматери, стоящий перед ним. Ходили слухи, что бродяги хотели быть частью «шоу» и иногда просились провести ночь на здешних плитах, чтобы не спать на улице.

Зайти в морг — это как ткнуть в ребра саму старуху с косой, сказав ей, что она заворачивает. Потому что если она заворачивает, то она не страшна. Смерть — это то, что бывает с другими.

Несколько лет назад был один убийца, который зарубил женщину пополам. Он отправил ее плыть по Сене, разложив по паре коробок, и так ее в морге и демонстрировали. Папа сказал, что это привлекло самые большие толпы, которые он только видел.

Натали все еще не могла разглядеть тела. Люди столпились на левой стороне секции осмотра, обозначая заветное место на карте макабрических сокровищ. Симпатичный молодой работник морга стоял, как и почти каждый день, у темно-зеленой занавеси по другую сторону стекла. С внимательным, пристальным выражением лица смотрел он на толпу. Она всегда на него заглядывалась, но отворачивалась, как только чувствовала, что он может поймать ее взгляд. И сегодня — тоже.

Несколько человек наконец освободили место, и она встала за группой людей. Несмотря на свой немаленький рост, она все еще ничего не могла увидеть, кроме спутанных песочных кудрей бедной жертвы да заляпанного кровью розового платья, которое висело за ней. Натали стала рассматривать остальные одиннадцать тел, похожих на восковые фигуры, разложенные по плитам. Со вчера

Джеди Минн Зврок

добавился один новенький — загорелый и неприметный мужчина, с ним получалось всего девять мужчин и две женщины. В былые дни постоянный поток воды стекал сверху для охлаждения плит, непрерывно освящая эту неприглядность. Теперь же тела часами находились в холодильнике, а затем демонстрировались охлажденными, напоминая поезд для перевозки мяса.

Позади тел висела одежда, в которой они были найдены, так же как за жертвой было повешено ее платье. Мертвые лежали там обнаженными, только тряпочка прикрывала интимные места. Большинство из них здесь находились по несколько дней, пока демонстрационная комната не могла их больше сохранять. Затем фотографию тела помещали на деревянное ограждение еще на какое-то время. Если только кто-то не опознавал его — то есть знал человека по имени, а не просто как тело на плите — то его забирали и хоронили с другими неизвестными.

Группа задвигалась, когда несколько зрителей покинуло комнату. И когда она увидела, действительно увидела, воздух из легких Натали покинул комнату тоже.

Красные порезы зияли на плоти молодой девушки, насмехаясь над ее вечным молчанием. Скорее девочка, чем женщина, с полными губками и пухлыми щечками. Одна сторона ее лица была сплошным синяком, ужасающей палитрой фиолетовых, голубых и красных оттенков.

Другая же — рассечена, как свиное брюхо на бойне. Глубокие ножевые раны спускались от правого уголка ее рта до середины шеи и к ключице.

Натали вдруг осознала, что крепко сжимает ворот своего платья, и разжала пальцы. Она стала переминаясь с ноги на ногу, не в силах отвести взгляд от жертвы. Никогда еще ей не доводилось видеть труп, истерзанный так люто.

Снежка

Кто бы это ни сделал, его ждет гильотина. Натали хотела бы это увидеть, так же как желала присутствовать на казни того ужасного убийцы Пранзини. Любой убивший двух женщин и девочку — в их собственных постелях! — заслуживает этого, думала она, как и тот монстр, который убил эту девушку.

Пожилой мужчина за ней хрипло вздохнул. Тихо и нежно он прошептал: “Requiem Aeternam dona eis, Domine. Et lux perpetua luceat ei”.

Натали узнала эту похоронную молитву. «Боже, даруй ей вечный покой. Да воссияет над ней вечный свет». Воистину.

Она наклонилась к стеклу, сглатывая комок в горле. Анонимность добавляла делу жестокости. Девушка в залитом кровью платье, жертва; вот все, чем она сейчас являлась для людей.

Девушке было не больше семнадцати-восемнадцати лет. Ее веснушчатая кожа пожелтела и раздулась еще сильнее, чем на других телах, несомненно, потому, что ее вытащили из Сены. При жизни она наверняка была хорошенькой.

«Как тебя зовут, несчастная душа?»

Маленькая девочка, затихшая при входе, теперь хныкала позади нее.

— Тут слишком темно, — сказала она. — Мне здесь не нравится.

Натали никогда не боялась темноты, даже в детстве.

Ей, скорее, было интересно, что скрывается в потемках.

Она слышала стоны девочки, затем шепот и шелест материи. Натали глянула назад. Ребенок спрятался в юбках матери.

Натали держала букет в левой руке и теперь поднесла его поближе к себе. Цветы на пути к разложению с того

Джеди Линн Зврок

самого момента, как их срезали, но они все еще благоухали скорее жизнью, чем смертью. Она склонила голову к стеклу, чуть не касаясь его.

— Домой, мама. Домой. — Тихий, приглушенный голосок девочки перешел в плач.

— МАМА! — Детский вопль отразился эхом десятикратно. Натали подскочила, как пугливый жеребенок, задев стекло.

В ту же секунду она оказалась в другом месте, будто поезд подхватил ее из морга и сбросил на следующей станции. Она стояла на коленях в комнате. Кабинет, похоже, или гостиная.

Рядом с ней лежала та убитая из морга.

Мертвые глаза девушки были открыты, и кровь стремилась в обратном направлении, втягиваясь в раны. Все происходило наоборот: раны затягивались, истерзанная плоть становилась гладкой, пока нож взлетал над ее лицом и шеей, исправляя нанесенные повреждения. Ее веки закрылись, как ставни. Жизнь влилась в лицо жертвы; она перекачивалась с боку на бок, разевая рот, но не издавая ни звука. Бедняжка была так близко к Натали, что до нее можно было дотронуться.

Но она не стала дотрагиваться, не могла, потому что снова оказалась в морге. Ахнув, она отдернула дрожащую руку от стекла.

Ее взгляд все был на жертве. Натали приходилось наблюдать уличные мужские драки. Однажды она видела, как мужчина грубо схватил женщину за руку, и это не давало ей покоя потом всю ночь. Она никогда, никогда не видела, чтобы мужчина ударил женщину. Не говоря уже... о таком.

«Что это вообще такое было?»

Она подняла дрожащую руку и снова дотронулась до стекла. Ничего.

Работник морга за стеклом взялся за темно-зеленую занавесь, готовый задернуть ее, как они всегда делали, когда перекладывали тела. Он обменялся взглядом со зрителем.

Натали чувствовала себя так, будто только проснулась от дремы, уже в сознании, но еще далеко. Как будто увиденный ею кошмар был одновременно и реальным, и нереальным. И, конечно, только один вариант мог быть правдой.

Она опустила взгляд на свою руку. «Почему я держу цветы?»

Пока она рассматривала букет, к ней приблизился зритель.

— Мадемуазель, — прошептал он, — не пройдет ли вы в ту дверь слева?

Он показал на деревянную дверь сбоку от витрины. Был ли у нее выбор, кроме как подчиниться? Неохотно кивнув, Натали переместилась к двери и стала ждать. Задумалась, не превратит ли ее в камень уродливая Медуза с волосами-змеями, вырезанная в центре двери.

— Вы поняли, что она сказала? — шелестел шепот, озабоченный, тревожный, с едва сдерживаемым страхом.

— Нет, я был недостаточно близко, — произнес кто-то приглушенно. — Никогда не видел ничего настолько... жуткого. Как будто со спиритического сеанса.

Натали, уже понемногу приходя в себя, обернулась и увидела, что почти все в комнате смотрят на нее. Толпа была очень плотная, а комната — слишком темна, чтобы рассмотреть лица в задних рядах. Но у нее не было сомнений, что смотрели и они.

«Что я сделала? Что они видели?» Вопрос увял у нее на языке, когда она заметила, что все отводят глаза. Мать с ребенком, стоявшие за ней в очереди, исчезли.

Джеди Линн Зэрк

Она оглядела комнату. Заметила растоптанный желтый цветок у двери, такой же, как у нее в загадочном букете.

Натали смотрела на раздавленный цветок на полу и вспоминала последнюю пару минут. Она помнила, как входила в морг, как вскрикнула маленькая девочка; помнила, что испугалась от неожиданности и прикоснулась к стеклу. И, конечно, помнила галлюцинацию, осознанный кошмар, или как его еще назвать.

Все это она помнила хорошо, достаточно хорошо.

Снова повернувшись лицом к двери, она погладила лепестки цветов трясущимся пальцем. «Так почему я тогда не могу вспомнить, откуда у меня эти цветы?»

Глава 2

Натали уставилась на дверь, на точку чуть повыше клубка змей Медузы.

А затем одна из них зашипела на нее.

Она подпрыгнула. «Это невозможно».

Невозможно ли? Гляди, что случилось с витриной. Или не случилось. Она не знала, чему верить. Натали протянула руку, чтобы провести по змее, но быстро отдернула. Что если прикосновение к двери опять забросит ее в это... это место?

Она соглотнула и отошла на шаг, и в этот миг кто-то распахнул дверь.

— Я вас испугал? Боюсь, эта дверь заедает в жару. — Молодой работник морга жестом пригласил ее войти. Вблизи она увидела, что ему слегка за двадцать лет, ростом он на пару сантиметров ниже ее и у него самый идеальный на свете нос, а также немного кривой верхний клык, очаровательный своим несовершенством.

— Вижу, вы купили цветы у мадам Валуа?

Она переступила через порог, вздрогнув, когда прошла мимо Медузы.

— Я... не знаю...

Он закрыл дверь.

— У той старой женщины, которая продает цветы у морга.

Джеди Минн Зврок

— Видимо, так, — сказала Натали. Она засунула руку в карман и поняла, что монет стало меньше. Наверное, так и было. — То есть да.

— Извините, — сказал он и улыбнулся. — Откуда вам знать ее имя? Я забыл, что не все тут проводят дни и ночи.

— Не считая мертвецов, — сказала Натали, наконец не забыв улыбнуться.

Он вскинул красивую бровь:

— Остроумно. И, кстати, об именах — вы мадемуазель?..

— Боден. Натали Боден.

— Очень приятно, — сказал он, протягивая руку. От него пахло чем-то ароматным — что-то такое древесное с лимонграссом? — Я Кристофер Ганьон, представитель префектуры полиции в морге, и хотел бы задать вам пару вопросов. Следуйте за мной, *s'il vous plaît**. — Он становился серьезнее с каждым словом.

Она пожала его руку, молча извиняясь за свою вспотевшую ладонь.

— Месье Ганьон, я... я здесь просто для того, чтобы посмотреть, как и все остальные. Что вы хотите знать?

Вместо ответа он повел ее по извивающемуся коридору.

Она вдохнула, с облегчением отметив, что в воздухе не пахнет тухлым мясом. Запах был резкий, но терпимый: смесь едва заметного разложения и химикатов.

Они прошли мимо открытой двери. Она заметила парня, обмывавшего костлявое мужское тело, и ахнула; тот посмотрел на нее и быстро захлопнул дверь. Завернув за угол, она увидела открытый выход. Двое мужчин несли носилки. «Нашли его в гостиничном номере», — сказал один из них, когда они пронесли мимо пухлое тело, накрытое простыней, и вошли в комнату с табличкой «Аутопсия».

* Пожалуйста (*фр.*).